

Итак, можно считать, что рукопись была доведена до конца и, может быть, позднее что-то добавлялось. Если сравнить окончательный текст «Писем» с этим, предполагавшимся в 1792—1793 гг., то мы увидим почти полное совпадение в одном отношении — обе части почти равны по объему. Это значит, что та, предполагаемая, рукопись 1792 г. делилась по замыслу, а может быть и по выполнению, на две равные части.

Почему не состоялось предполагаемое издание «Писем»? Как писал Ю. М. Лотман: «1792 год был для Карамзина трудным. Последовал разгром новиковского кружка. Сам Карамзин уцелел почти чудом. „Московский журнал” пришлось прервать, видимо, неожиданно для самого издателя. „Лиодор” так и не был дописан. „Письма русского путешественника” перестали публиковаться на пороге Парижа. Однако 1793 был еще труднее».²²

Переждав некоторое время, Карамзин в «Аглае» в 1794 г. публикует некоторые отрывки из лондонских и парижских писем. Во 2-м томе «Аглаи» в 1795 г. опубликована глава «Париж, Апрель 29, 1790» в таком виде. Она начинается словами: «Нынешний день обедал я у господина Гло», и кончается отрывком «На театре графа Прованского». Применительно к полному тексту писем это занимает стр. 222—225 и стр. 231—242.

Примерно столько же занимают в «Аглае» главы, названные «Путешествие в Лондон (отрывки из второй части «Писем русского путешественника»)». По сравнению с основным текстом «Писем» эти отрывки занимают стр. 323—328 и включают письма, заканчивающиеся письмом «Дувр», так что Лондона здесь еще нет.

Отрывки, приведенные в «Аглае», чрезвычайно знаменательны. Приведу один из них, самый острый по своему содержанию:

«Вчера, в придворной церкви, видел я Короля и Королеву. Спокойствие, кротость и добродушие изображаются на лице первого, и я уверен, что никакое злое намерение не раждалось в душе его. Есть на свете щастливые характеры, которые по природному чувству не могут не любить и не делать добра: таков сей Государь! Он может быть злополучен; может погибнуть в шумящей буре — но правосудная История впишет Людовика XVI в число благодетельных Царей, и друг человечества прольет в память его слезу сердечную. — Королева, не смотря на все удары рока, прекрасна и величественна, подобно розе, на которую веют холодные ветры, но которая сохраняет еще цвет и красоту свою. Мария рождена быть Королевою. Вид, взор, усмешка — все показывает необыкновенную душу. Не лъзя, чтобы ея сердце не страдало; но она умеет сокрывать горесть свою, и на светлых глазах ея не приметно ни одного облачка. Улыбаясь так, как Грации улыба-

²² Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 237.